

Надеждин, Николай Иванович - ученый и критик (1804 - 56), сын священника, воспитанник Московской духовной академии. Был преподавателем в рязанской духовной семинарии, потом домашним наставником в Москве. Уже в академии Н., под руководством Ф.А. Голубинского, познакомился с немецкой философией, из которой, по его собственным словам, почерпнул взгляд на историю человечества как на процесс выработки идей, под влиянием условий, времени и места. Сойдясь с Каченовским (см.), Н. написал для "Вестника Европы" статью о торговых поселениях итальянцев на северном Черноморье, затем, с 1828 по 1830 год - ряд критических статей по современной литературе. В 1830 году Н. сотрудничал в "Московском Вестнике" Погодина, в 1831 году основал журнал "Телескоп", при котором, в качестве приложения, издавалась "Молва". Диссертация его о романтической поэзии ("De roeseos. quae Romantica audit, origine, indole et fatis", М., 1830; извлечения из нее - в первых книжках "Вестника Европы" и "Атеня", того же года), написанная на степень доктора по словесному факультету, находилась в связи с его критическими статьями в "Вестнике Европы". В 1832 - 35 годах Н., в звании ординарного профессора, читал в Московском университете теорию изящных искусств, археологию и логику. Его лекции были блестящими импровизациями, производившими глубокое впечатление на слушателей, хотя некоторые из них и находили впоследствии в чтении Н. отсутствие серьезного содержания. В 1836 году "Телескоп" был запрещен за "Философические письма" Чаадаева, а Н. сослан в Усть-Сысольск. Этим закончилась деятельность его как критика и публициста. Уже в первой своей критической статье: "Литературные опасения за будущий год", появившейся в № 21 и 22 "Вестника Европы" 1828 года за подписью: "Экс-студент Никодим Надоумко", Н. выступил с резким отрицанием всей тогдашней литературы, находя, что в прославленных поэмах того времени нет и тени художественного единства, нет идеи, нет лиц, ясно понятых самим автором, нет выдержанных характеров, нет и действия: все бессвязно, вяло, бледно и натянуто, несмотря на кажущийся блеск и жар. Выступая против господствовавшего тогда в нашей литературе романтизма, Н. доказывал, что и классицизм, и романтизм имели крупное историческое значение, представляя две стороны развития человеческого духа и являясь в то же время отражением двух различных миров - античного и средневекового; новейший же французский романтизм так же мало похож на романтизм средних веков, как псевдоклассическая литература на греческую, и является жалкою подделкою под истинный романтизм, возрождение которого в наше время столь же нелепо, как и восстановление классицизма. Являясь последователем Шеллинга, Н. в числе тезисов своей диссертации выставил известное положение: "где жизнь, там и поэзия"; он утверждал, что творческая сила есть не что иное, как "Жизнь, воспроизводящая саму себя"; говорил об идее, как о душе художественного произведения, о художественности, как о сообразности формы с идеею; рассматривал литературу, как одно из частных проявлений общей народной жизни; требовал, чтобы она сознала свое назначение - быть не праздною игрою личной фантазии поэта, а выразительницей народного самосознания. Бедность нашей поэзии Н. приписывал недостатку серьезной и сильной общественной жизни. На вопрос о том, дает ли русская старина поэтический материал для обновления народного духа в литературе, Н. отвечает отрицательно. История удельной Руси представляет собою период чисто физического расширения, лишенный действительной жизни: последняя требует "могущественного начала духа", которого тогда не было. В московском периоде физиономия русской народности еще не установилась; это только подготовительная ступень к действительно государственной истории, открываемой Петром Великим. Что касается народной литературы, то в древнем периоде русской истории ее не было, потому что народный язык не подвергался литературной обработке. Св. писание было принесено к нам на церковно-славянском языке, на котором и возникла у нас письменность; народная речь долго поэтому не могла развиваться "в живую народную словесность". Обращаясь к современности, Н. спрашивал: "как быть литературе русской, когда нет еще языка русского"? Улучшению языка может содействовать более широкая литературная жизнь и критика. Лексическому его обогащению должны послужить родственные славянские языки, синтаксическому улучшению - народная песня, поговорка, прибаутка. В баснях Крылова и романах Загоскина Н. видел первые и блестящие опыты возведения простонародного языка на ступень литературного достоинства. Начав писать в журнале Каченовского, который находился тогда в полном пренебрежении, считался защитником всего устарелого и бездарного в литературе, врагом всего современного и даровитого, Н. приобрел репутацию зоила и педанта, сделался предметом едкой критики Полевого и колких эпиграмм Пушкина ("Притча", "Мальчишка Фебу гимн поднес"). Вскоре, однако, Пушкин понял, что в злейшем его враге кроется преданнейший друг, и поместил в "Телескопе" известную полемическую статейку под псевдонимом Феофилакта Косичкина. "Телескоп" продолжал развивать идеи, выраженные Н. в его ранних статьях, но имел ограниченный успех: критика его долго не проникала в публику. На крупное значение Н. в истории русской литературы впервые указал лишь в год его смерти Чернышевский ("Очерки гоголевского периода русской литературы", в "Современнике" 1855